

АГРЕССИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ”МЯГКОЙ СИЛЫ” В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИИ И КОНТРАДИСКУРСИИ (на материале публичных интервью В.В. Путина)

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова

В статье анализируется механизм агрессивного вербального воздействия технологическими средствами «мягкой силы» в политическом ТВ-интервью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальная агрессия, «мягкая сила», политическое телеинтервью, провокация, фреймовая конфигурация

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. larrar@yandex.ru

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Агрессивные коммуникативные практики «мягкой силы» в политической дискурсии и контрдискурсии (на материале публичных интервью В.В. Путина) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 32–74. Режим доступа: www.tverlingua.ru

AGGRESSIVE COMMUNICATION PRACTICES OF “SOFT POWER” IN POLITICAL DISCOURSE AND COUNTER DISCOURSE (based on different public interviews of V.V. Putin)

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova, Oksana N. Morozova

The article deals with the work of verbal aggressive effect by means of technological “soft power” practices in political TV-interviews.

KEY WORDS: verbal aggression, “soft power”, political TV-interview, provocation, frame configuration

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. larrar@yandex.ru

MOROZOVA Oksana N. – DSc in Philology, professor of Tver State University. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanov A.A. Romanova L.A., Morozova O.N. Aggressive Communication practices of “Soft power” in political discourse and counter discourse (based on different public interviews of V.V. Putin) // World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 32–74. Access mode: www.tverlingua.ru

*Человеком движет не сознание,
не рациональность, а эмоция.*

В.И. Шаховский

В работах, посвященных роли и значению коммуникативных средств в бескомпромиссном информационном противостоянии и конкурентной борьбе между различными «игроками» за свой «репутационный капитал» и доминирующее влияние в геополитическом пространстве, отмечается, что основное поле «битвы» затрагивает концентриальную сферу атакующих друг друга – т.е. атакующей и атакованной соответственно – сторон с привлечением

масштабного арсенала воздействующих технологий и средств (Кастельс, 2016; Романов, 1992; 1995; 2002; 2004; 2014; 2016; 2017; Романов, Романова, 2015; 2017; 2018; 2018б; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2015б; 2017; 2018).

Наиболее продуктивным в плане частотности применения и эффективности влияния на противника признается в конце второго десятилетия нашего века интегративная технология «мягкой силы» (термин Дж. Ная), как *«функциональная модель использования доминирующей стороной противостояния разностороннего и полифункционального коммуникативного ресурса для бенефициарного смыслопорождения и последующего распространения, внедрения и закрепления этих смыслов в ментальном сознании атакованной стороны, чтобы трансляционно, ретрансляционно, а также «факсимильно» и «телетайпно» – то есть «вирусно» или «регулятивно-меметически» – прививать посредством специально созданных дискурсивных практик позитивные характеристики исходного имиджа как «персонифицированного образа» атакующей страны, общества, корпорации, фирмы в качестве образца для подражания» и негативные, подлежащие пересмотру (перепрограммированию, переформатированию, изменению и даже слому) свойства атакованной стороны соответственно (Романов, 2004; 2014; 2016; 2016а; 2016б; 2017; Романов, Романова, 2015а; 2017а; 2017б; 2018; 2018б).*

В качестве коммуникативной разновидности инструментария воздействующего ресурса в функциональной модели «мягкой силы» выступают *эмотивные* коммуникативные практики (Шаховский, 1998; 2003) политического *«троллинга»*, *«флейминга»*, *«моббинга»* и, частично, *«буллинга»*, которые в силу особенностей организации и проведения политического ТВ-интервью и своей полифункциональной специфики играют важную роль в создании и распространении в медиасфере «срежиссированного образа» приглашенного гостя и его страны (о ролевом репертуаре и манере вербального поведения участников ТВ-интервью см. подробнее: Романов, 1992; 1995; 2002; 2004; 2014; 2016).

Опираясь на лабильность тематического пространства или «темы», по В.Н. Волошинову, политического телеинтервью и открытую форму «доверительной» беседы между интервьюером (модератором, автором, инициатором, корреспондентом, журналистом) и интервьюируемым (гостем, адресатом, политиком, руководителем партии, политического органа, правительственного учреждения или руководителя страны), собеседники не исключают возможного использования дополнительных форм развития (развертывания) политического интервью, которые допускают определенные отклонения от выбранного формата обсуждения в широких пределах – от использования конкретных «мягких», «гибких» и располагающих форм фатического («контактного», адверзивного, непротиворечивого или согласованного) общения для создания раскрепощенной атмосферы взаимодействия или порождения у гостя иллюзии простого и непринужденного разговора до нарочито намеренной демонстрации мнимой раскованности или открытой демонизации каких-либо фактов, событий или черт и свойств личности адресата-гостя, а также его коллег по «цеху» в международном масштабе (Романов, Романова, 2018б; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2018; Романов, Царьков, Романова, 2017;), переходящих к директивно-провокативному – вплоть до открытой неприязни – использованию вербальных агрессивных форм «жесткого» влияния, неприкрытого эмоционального давления или балансирования на грани фола, перемежающихся вариантами политического *троллинга, флейминга, моббинга* и *буллинга*.

Обозначенные провокативные варианты речевой агрессии в виде «раскованных» высказываний, небрежно-развязанной манеры общения и использования «фейковых (с точки зрения семантики и верифицируемости на фактуальность «истина / ложь») аргументов» в политическом ТВ-интервью можно рассматривать в качестве *вербальной разновидности* политического *инструментария* директивного давления «мягкой силы», облаченной («загороженной – «hedged», в трактовке В. Fraser), или спрятанной (упакованной) в свободные «одежды» демократичного проявления жанра интервью и скры-

вающей своё истинное (главное) функциональное предназначение, а именно – выполнять роль «информационного тарана» в подрыве авторитета своего политического оппонента по общению в глазах мировой общественности (Романов, 2004; 2016; Романов, Романов, 2015а; 2017б; 2018а; 2018б; Романов, Романова, Морозова, 2015б; 2017; 2018).

В зависимости от своей функционально - семантической специфики каждая из перечисленных провокативно-агрессивных разновидностей вербального поведения по-своему участвует в реализации вербального поведения собеседников: агрессивно-провокативного у модератора и дефензивно-атакующего у интервьюируемого. При этом, оба участника интервью, соглашаясь реализовывать свою персональную, аргументационную позицию относительно друг друга, могут в равной мере прибегать к использованию той или иной разновидности провокативно-агрессивного вербального поведения. Отметим, тем не менее, что у инициатора, выступающего в роли модератора и инициатора интервью, имеется больше возможностей в выборе провокативно-агрессивных средств в силу своего ролевого преимущества, т.е. преимущества в шаговой дискурсивной очерёдности, точнее – схематического порядка «взятия шага» в диалоге-интервью – *открывать* интервью, *направлять* развитие его тематического пространства, а также *менять* по своему усмотрению тематику отдельных этапов диалога-интервью, *закрывать* тот или иной этап в обсуждении тематического пространства интервью или по личному замыслу *перескакивать* с одной темы на другую, *комментировать* и *дополнять* ответы своего студийного гостя и, наконец, *заканчивать* беседу-интервью в любой подходящий для себя или в оговоренный с гостем заранее момент (см.: Романов, 1988; 1991; 1992; 1995; 2002; 2004; 2014).

В такого рода политико - коммуникативном противостоянии собеседникам предстоит решать – каждому по-своему – комплекс задач, чтобы, главным образом, добиться намеченного результирующего эффекта, а именно: *а)* не уронить закрепленный в массмедиа престиж не только персонифицированного (личного) образа, но и имиджа своей страны, *б)* сохранить соб-

ственное «лицо» в глазах ТВ-аудитории и, **в)** презентуя себя публично, продемонстрировать своё соответствие реализуемым ролевым позициям в умении тактически грамотно и толерантно применять коммуникативные навыки «вербального фехтования» различными агрессивно-дефензивными средствами арсенала «мягкой силы». В указанном противостоянии модератор, как журналист, стремится вербальными средствами добиться при помощи выбранной стратегии агрессивного давления реализовать поставленные цели: **актуализировать** нужный гиперфрейм и, реализуя его, **побудить** своего собеседника взаимодействовать с ним в дискурсивном пространстве данного гиперфрейма (Романов, 2014; 2016; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, 2015; 2015а; 2017а; 2018; 2018а; 2018б).

В свою очередь, задача приглашенного гостя как оппонента заключается в том, чтобы **выйти** за рамки навязываемого ему гиперфрейма и тем самым **нарушить** его структурную конфигурацию, т.е. **разорвать** валентную взаимосвязь между тематическими блоками гиперфрейма и таким образом **блокировать** тематическое развитие беседы-интервью как по целевым, так и по валентно-семантическим узловым параметрам с целью **поставить** под сомнение уместность появления того или иного тематического блока (соответственно: терминала, слота, подслота, узла и т.п.) в структуре гиперфрейма для того, чтобы **показать** несостоятельность валентной связи семантико-тематических блоков и, главным образом, **опровергнуть** свойства вершинного предиката гиперфрейма, **доказывая** нецелесообразность его актуализации и необъективность их обсуждения в предложенном формате интервью (ср.: Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2015б; 2017; 2018)..

Примечательно, что, участвуя в интерактивном обмене ТВ-интервью, оба участника в равной мере стремятся демонстративно презентовать себя зрительской аудитории в рамках мета-коммуникативного акта с декларативной иллокутивной направленностью «демонстратив» (подробнее см.: Романов, 1988; 1991; Романов, Романова, 2018а). В основе реализации любого акта самопрезентации лежат схемы или фреймы, которые обнаруживают то,

что есть нечто осмысленное в тех особенностях (или конфигурациях, типовых проявлениях, в терминологии авторов статьи) сцены или сцен жизни, т.е. конкретной ситуации, конкретного проявления, конкретного типа стратегии и тактических разновидностей её реализации, например – от самоуничтожения, а также уничтожения другого, уклонения от неудобных, многозначных и противоречивых моментов и ситуаций в мире, затрагивающих отношения как между участниками интервью, так и отношения в глобальном мире, аттрактивного демонстрирования, откровенной arrogance и шокирования на грани вызова до снобистского самовызывания и открытого самолюбования, которые в ином случае не имели бы смысла.

Сетевое коммуникативное пространство предоставляет участникам ТВ-интервью дополнительные возможности для информационного тиражирования визуального образа *Я-медиа* каждого из участников беседы с соответствующими «технизированными» трансформациями и корректировками. В широком смысле «технизированность» – термин А.И. Копытина (2003) – визуального образа в виде массового тиражирования на телеэкраны *Я-медиа* каждого из участников диалога означает «высокую осознанность действий» каузатора (интервьюера, инициатора, причины, побуждающего источника) этих действий как проявлений «демонстративной личности», по К. Леонгарду (2001), которая на виду у всех не «стесняется выделяться» и не «смущается» быть «центром внимания» и источником «самовосхваления», «самовозвышения и открытого самолюбования». В процессе «информационного круговорота от *Я-медиа* к *Мы-медиа*» (Романов, Романова, 2018; 2018a) каузатор, как представитель «демонстративного типа личности», как «демонстративная личность», по К. Леонгарду, провоцирует своих участников медийной коммуникации (прямого собеседника и телевизионную аудиторию в целом) при помощи своего образа *Я-медиа* к тому, чтобы каузировать (стать причиной, побуждать, порождать, вызывать) повышенный интерес не только к своей персоне и к той стороне, которую каузатор представляет в интервью, но также и к образу персоны приглашенного участника-гостя и его стороны.

При этом в дискурсивном процессе инициатор интервью, реализуя как «демонстративная личность» типовую роль каузатора дискурсивного взаимодействия, не испытывает неудобств и внутренних запретов, сдерживающих его открытость и эмоциональную «арrogантность» в вербальном поведении относительно своего приглашённого для интервью собеседника. Больше того, он ведет себя подобно активному участнику сетевых коммуникаций, который после своих коммуникативных посланий ожидает со стороны своих почитателей и посторонних наблюдателей рост интереса. Инициатор в роли каузатора намеренно организует такой интерес и, являясь «демонстративной личностью», принимает его «с величайшим удовольствием» в момент обратной связи в виде откликов (лайков, комментариев, «смайликов»), так как «демонстративный тип всегда живёт моментом» (Леонгард, 2001) использования эмоционально-агрессивных «арrogантных» практик *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и *буллинга* и ожиданием момента реактивного отклика на них со стороны непосредственного собеседника, но в большей мере – со стороны массового адресата.

Использование отмеченных эмоционально-агрессивных «арrogантных» практик в дискурсивном пространстве ТВ-интервью подчиняется (детерминируется) ***провокативной стратегией*** ведения интервью, успешная реализация которой приводит к выполнению конкретных (запланированных, «срежиссированных») и нужных каузатору осознанных и неосознанных (эмоциональных, спонтанно-реактивных) ответных – а в диалоге-интервью – закрывающих в обязательном порядке заданный инициатором беседы вопрос. Реализуемые такой стратегией вербальные действия можно рассматривать как *провокативные действия*, отличающиеся от суггестивно-манипулятивных действий, которые адресат выполняет, чаще всего, в тот момент, когда он находится в пассивном состоянии сознания (ср.: Романов, Романова, Морозова, 2018; Романов, Черепанова, 1998; 1999). Манипулятивные действия могут предназначаться как для отдельных индивидов, так и для массового адресата, например, в психотерапевтических групповых сеансах (ср.: телесеансы А.

Кашпировского, А. Чумака и других психотерапевтов). Однако в случае с провокативными действиями в ТВ-интервью приглашённый собеседник как адресат, как индивидуальный получатель информационного сообщения находится в активном состоянии сознания. Он сконцентрирован, осознаёт и распознаёт (идентифицирует) прагматическую подоплёку направленных коммуникативных посылов инициатора, а также осмысливает их логическую связность и предназначённость.

Поэтому в беседе-интервью модератору не представляется целесообразным одновременно применять в комплексном виде отмеченные разновидности провокативных действий *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и *буллинга*, так как прагматическая установка на реализацию инициатором названной стратегии отличается от стратегической реализации суггестивно - манипулятивных действий. Но главная опасность кроется не в этом, а в том, что отмеченные провокативные действия изначально рассчитаны на активное, сконцентрированное сознание адресата, чтобы сильнее «завести» его эмоционально и на этой эмоциональной волне «зацепить» его и втянуть в детали обсуждаемого вопроса или насущной проблемы для того, чтобы получить сенсационные, неизвестные ранее данные, касающиеся интервьюируемого лично или его страны. Больше того, суггестивно-манипулятивные действия модератора ориентированы в большей степени на интенсивную глубину переживаний индивида, на его пассивное погружение в себя, что может «смазать» динамическую картину диалога-интервью и сказаться на образе *Я-медиа* самого модератора в глазах массового зрителя. К этому следует добавить, что попытки чередовать эти две разновидности действий в одном интервью требуют от модератора тщательной *пре-коммуникативной подготовки*, так как для него существует опасность потерять инициативу ведения беседы и в следствие этого не реализовать провокативную стратегию ввиду реальной возможности потерпеть «коммуникативную неудачу или получить коммуникативное рассогласование» (Романов, 1988: 73-91; 2017; 2018).

Примером реализации провокативной стратегии с использованием эмоционально-агрессивных «арrogантных» практик *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и *буллинга* могут служить ТВ-интервью В.В. Путина, данные им американскому каналу 5 июня 2017 года (интервьюер – М. Келли) и интервью австрийскому каналу от 4 июня 2018 года (модератор-интервьюер – А. Вольф). В серии указанных ТВ-интервью затрагиваются проблемы пространственных отношений между Российской Федерацией (также: Россия, РФ) и другими акторами геополитического пространства – США, Австрия, Украина, Европа, «западные правительства». Примечательно, что модераторы-интервьюеры (М. Келли, а также А. Вольф) начинают свои беседы с декларативного заявления о фактуальности вершины гиперфреймовой конфигурации под названием «Вина России», акцентируя тем самым своё внимание на провокативной стратегии ведения интервью, успешная реализация которой должна привести, по их мнению и замыслу, к выполнению запланированного или «срежиссированного» результата: интервьюируемый *либо* попадает в ловушку, логический вывод из которой напрямую указывает на вину России или причастность её руководства к деструктивным (разрушительным) воздействиям в том или ином месте (действии) геополитического пространства, *либо* под натиском неопровержимых фактов и предъявленных «улик» прямо признает вину руководимой им страны в безответственном и небывалом в истории brutally-деструктивном поведении на мировой авансцене.

Заметим, что валентные параметры гиперфреймовой вершины интерактивной конфигурации беседы-интервью «Вина России» способны реализовывать свои семантические свойства на различных уровнях вербального взаимодействия и с различными по семантической наполненности и функциональной специфике терминалами, слотами, подслотами и субслотами, что даёт широкий простор и большую свободу интервьюерам в выборе агрессивно-атакующих средств достижения запланированного результата. Так, например, уже в интродуктивной фазе интервью (текст цитируется по приве-

дённому переводу – прим. авторов) американский журналист **М. Келли** выдвигает без каких-либо оговорок обвинение:

«Господин Президент, Вы несколько раз говорили о том, что Россия никак не вовлечена во вмешательство в президентские выборы, включая пленарное заседание Петербургского экономического форума. Однако в США считают, есть такой консенсус, что вы это сделали. Есть 17 агентств в области безопасности, которые, так утверждают демократы, республиканцы, все комитеты, которые видели секретные материалы, говорят, что это так. Они что, все врут?»

Совершенно очевидно, что интервьюер без каких-либо вводных оборотов, не сомневаясь в своей правоте, эксплицитно актуализирует вершину гиперфрейма «Вина России» посредством ключевых слов «*Россия*», «*вмешательство*». Обращает на себя внимание, что актуализация вершины гиперфрейма усилена за счёт эмотивно-оценочного компонента, призванного выражать логически бесспорную и безоговорочную достоверность высказанного утверждения, ср.: «*консенсус в США*», «*что вы это сделали*», «*17 агентств в области безопасности*», «*так утверждают демократы, республиканцы, все комитеты*» и т.д. Примечательно, что в плане реализации интервьюером провокативной стратегии «Обвинение – Приговор» важную роль играет оценочный компонент, построенный на агрессивной технике **моббинга** как разновидности комплексного вербально-агрессивного сообщения в виде ссылок на заслуживающие доверие источники и авторитеты. Указанная техника маркируется *вербальными ссылками* на общественное мнение, ср.: «*консенсус в США, 17 агентств в области безопасности*» – то есть большинство, а также «*демократы, республиканцы, все комитеты*» – то есть все политические силы США.

Нельзя не обратить внимания на заключительный интеррогативный (вопросительно-директивный) речевой ход журналистки в интродуктивной фазе диалога-интервью («*Они что, все врут*?»), который (ход) эксплицитно демонстрирует **троллинговую** технику воздействия на собеседника: *так как*

все врать не могут, а большинство не может ошибаться и заблуждаться, *то* высказанные утверждения справедливы и истинны. Из этого следует, что заключительный вопросительно-директивный речевой ход интродуктивной фазы интервью есть эксплицитный маркер *троллингового* агрессивного воздействия, который представляющий из себя *вопрос-вымогательство*, требующий (побуждающий) включить по умолчанию в последующий ответный репликовый шаг адресата значение согласия с высказанной точкой зрения (подробнее о функциональной специфике директивных вопросов в диалогическом противостоянии см.: Романов, Романова, 2014; 2016; 2017; Романов, Романова, 2018; Романов, Романова, Морозова, 2018; Романов, Романова, Федосеева, 2013).

Интеррогативная оформленность *троллинговой* техники воздействия имеет свои преимущества в беседе собеседников лицом – к – лицу, так как в ТВ-интервью, ограниченном во времени, вопрос с любой стороны – от интервьюера или от интервьюируемого – не может долго оставаться «подвешенным в воздухе», т.е. оставаться без ответа. Повисший в воздухе вопрос означает, что интервьюируемый либо не знает ответа, либо не хочет отвечать и поэтому молчит, либо знает ответ и признаёт правоту высказанного интервьюером утверждения. *Троллинговый* характер интеррогативности заключается в директивной направленности самого вопроса, который, требуя (каузируя, побуждая), подначивает и таким образом подталкивает адресат к быстрому ответу.

Но не только – и не столько – интеррогативной формой маркируется направленность *троллинговой* (функциональной) техники воздействия на адресат. Очевидно, что подначивающая *троллинговая* интеррогативность – «*Они что, все врут?*» – включает в свою структуру лексемный квантор общности «*все*», который усиливает *троллинговую* функцию интеррогативной конструкции *моббинговым* содержанием. Последнее и содержит в себе логическую ловушку для адресата, ибо квантор общности «*всё*», помещенный в интеррогатаивный формат «*Они что, ... врут?*», специально семантически

размыт инициатором интервью. Действительно, интеррогативная конструкция «*Они что, все врут*»? запутывает адресата в определении «кем являются все они, которые врут», ибо выражение «*все, кто врут*», референтно, с одной стороны, с перечисленными М. Келли «17-ю агентствами в области безопасности», «демократами, республиканцами, всеми комитетами, которые видели секретные материалы», а, с другой стороны, квантор *все* соотносим также со всеми теми «в США, которые так считают», со всеми теми, «у кого есть такой консенсус, что вы это сделали», со всеми «17-ю агентствами в области безопасности», со всеми, «которые так утверждаю», со «всеми демократами, всеми республиканцами», со всеми «комитетами, которые видели секретные материалы», со всеми теми, кто» говорят, что это так, что вы это сделали». Получается, что адресат оказывается в безвыходном положении: какой бы ответ он ни выбрал, квантор «все» в любом случае приводит его, по замыслу журналиста-модератора, к выбору – *все врать не могут*. Следовательно, квантор всеобщности в интеррогативной конструкции способен комплексно усиливать своей *моббинговой* направленностью технику *троллингового* воздействия на собеседника.

Приведенные примеры показывают, что для эмоционального воздействия на интервьюируемого в любой фазе интерактивного обмена модератор может применять в ТВ-интервью различные (комбинированные) агрессивные практики для реализации выбранной провокативной стратегии, в частности, агрессивные практики *моббинга* и *троллинга*. Аналогичные примеры использования агрессивных практик, например, *моббинга* (*моббинговой техники*) можно наблюдать и в других интерактивных фазах ТВ-интервью при активировании модератором слотовых или терминальных валентных связей, обусловленных семантической общностью с вершиной демонстративно заявленного гиперфрейма «Вина России». Сравните также ещё один пример *моббинговой* атаки:

М. Келли: «Многие американцы слышат имя «Владимир Путин». Они думают, что он управляет страной, которая погружена в коррупцию, страной,

где журналистов, которые критически высказывают свою точку зрения, убивают, страной, где диссиденты могут оказаться в тюрьме, или ещё что-то похуже. Тем, кто так думает, что бы Вы могли сказать?»?

Моббинговая техника агрессивно-директивного воздействия актуализируется при помощи следующих словосочетаний: *многие американцы..., они думают..., тем, кто так думает*, использованных в значении *моббингового* множества – их *много*, их *большинство*, их *много* настолько, что невозможно не отвечать на их критические высказывания. Нетрудно увидеть, что журналист-модератор прибегает вновь к использованию интеррогативной конструкции, в которой на этот раз применяется квантор «множества» («многие»), придающий такой конструкции дополнительное значение атакующей и агрессивной техники *моббингового* воздействия. И вновь модератор заготовила для адресата логическую ловушку, принцип действия которой был описан выше. Правда, отличие от приведенного выше примера заключается в том, что журналист развивает дискурсивное взаимодействие в пределах уровневого содержания (семантики) слотовых, подслотовых и субслотовых узлов вершины гиперфрейма «Вина России».

В своей *моббинговой* атаке журналист-модератор исходит из того, что она уже в достаточной степени «объективно» обосновала «Вину России», а её собеседник смирился с этим обвинением и принял выдвинутые против его страны прегрешения. Интенсифицируя эмоциональное воздействие *моббинговой* атаки, интервьюер показывает механизм «раздувания» (*флейминга*) ассоциативной взаимосвязи семантики слотовых, подслотовых и субслотовых узлов фрейма с «грехами» страны и её руководителя. Реализация ассоциативной взаимосвязи слотовых узлов напрямую коррелирует с библейским утверждением «*Злословия злословящих Тебя падут и на меня*», четко и последовательно отражая в перечислении «грехов» страны их *флейминговую* привязку к имени её руководителя: *Когда* «они (многие американцы) слышат – «Владимир Путин», *то* они *думают* – он управляет страной, которая в результате его управления – «погружена в коррупцию», они *думают* – это

страна, в которой убивают журналистов за их критические высказывания, они *думают* – их убивают в этой стране за высказывание своей точки зрения, они *думают* – это страна Владимира Путина, они *думают* – в этой стране «диссиденты могут оказаться в тюрьме», они *думают* – в этой стране могут происходить события «ещё похуже». Совершенно очевидно, что используемый квантор множественности в интеррогативной конструкции способен усиливать своей ассоциативной *флейминговой* направленностью технику *моббингового* воздействия на собеседника.

Можно привести еще один пример техники *моббингового* воздействия с использованием приёма, или «приёма доксы / доксальных утверждений», сходных с классической риторической «ссылкой на признанные авторитеты / ссылкой на авторитетное большинство». Именно приём ссылки на авторитет большинства или на значимость количественных показателей» характерен для агрессивной *моббинговой* техника в ТВ – интервью, использованной американской журналисткой М. Келли. Ср., например, следующее:

М. Келли: «Были вопросы в Америке относительно финансов Дональда Трампа, он декларацию обнародовал, есть какое-то секретное досье, как говорят. Он говорит, что это всё фальшивка. Но там говорится, что есть какой-то шантаж со стороны русских, какие-то были коммуникации между Кремлём и штабом Трампа. Всё это вынуждает американцев спрашивать: «А есть у вас какие-то сведения, дискредитирующее Президента Трампа?»

В данном случае речь также может вестись об активном использовании агрессивной техники *моббингового* воздействия на адресата. Инициативный речевой ход журналиста-модератора начинается с неопределенно-личного утверждения в виде доксальных оборотов «*говорят, что ...*», «*слышали, что ...*», «*было / были, что ...*». При это данные обороты вводятся журналистом в рассуждение постепенно и крайне осторожно, чтобы заранее не настроить интервьюируемого своим агрессивно-атакующим вопросом. Используемые лексические обороты указывают, с одной стороны, на осторожность, а с другой – на подготавливаемую атаку, чтобы в виде прямого и конкретно-

го вопроса ошеломить своего собеседника, заставить его врасплох и не оставить времени на обдумывание. Такие вопросы похожи на вопросы строгого следователя при проведении процедуры допроса во время следствия. Мягкие и плавные индуктивные выражения – «*были вопросы; какое-то досье; как говорят; какой-то шантаж; какие-то коммуникации*» – расслабляют интервьюируемого, который не ожидает резкого и абсурдного вопроса, в котором вдруг неожиданно группируется соединение неопределенного с определенным и конкретным вопросом *моббинговой* направленности: «*А есть у вас какие-то сведения, дискредитирующее Президента Трампа?*»

Единственным настораживающим фактором, предупреждающим адресат о готовящейся агрессивной атаке, может служить переход от перечисления индуктивного набора неопределенно-личных конструкций (см. перечисленные выше) к конкретному заключению: «*Все это вынуждает американцев спрашивать*». Налицо типичная схема логической фигуры индуктивного умозаключения (Романов, 2011: 40-44), в котором неопределенно-личные конструкции выполняют роль посылок, а в качестве заключительного вывода выступает обоснование – «*Все это вынуждает американцев спрашивать*», подготавливающее атакующий *моббинговый* удар, обусловленный интересами «*всех американцев*», «*это волнует всю Америку*», «*это является угрозой для всей Америки*»: «*А есть у вас какие-то сведения, дискредитирующее Президента Трампа?*»

Использование отмеченного арсенала агрессивных техник воздействия на интервьюируемого в ТВ-беседах характерно не только для заокеанской (американской) журналистики. В частности, в интервью В.В. Путина австрийскому ТВ-каналу от 4 июня 2018 года можно также обнаружить уже знакомые приёмы и техники эмотивного агрессивного воздействия, которые использовал во время беседы австрийский корреспондент А. Вольф. Ср., например:

А. Вольф: «Несмотря на это, западные правительства, Европа, и прежде всего США, обвиняют Россию в том, что она вмешивается во внутреннюю

политику других государств силами хакеров. Во всех интервью Вы говорите, что это не так, однако нет сомнений в том, что в Санкт-Петербурге на протяжении многих лет есть так называемая Internet Research Agency, которая пытается в Фейсбуке повлиять на публичные дебаты. Эти так называемые фабрики троллей принадлежат Евгению Пригожину, которого Вы очень хорошо знаете, его называют поваром Путина, поскольку он обслуживает всех Ваших гостей. Неужели хорошо, что тот, кто поддерживает такие тесные отношения с российским руководством, занимается фабриками троллей»?

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что австрийский тележурналист инициирует развитие интервью по уже знакомой схеме, сценарную основу которого образует все та же гиперфреймовая вершина интерактивной конфигурации беседы под названием «Вина России», ср.: *«западные правительства, Европа, и прежде всего США, обвиняют Россию в том, что она вмешивается во внутреннюю политику других государств силами хакеров»*. При этом, поражает больше всего то, что практические действия австрийского инициатора интервью зеркально отражают *моббинговые* практики агрессивного коммуникативные воздействия на адресат, словно они (*моббинговые агрессивные практики*) вычерчены по одному и тому же лекалу, построенному по американскому образцу. Сравнивая журналистский образец американских *моббинговых* атак М. Келли с австрийскими эмоционально-агрессивными практиками А. Вольфа, можно увидеть одинаковый набор лексических маркеров, указывающих на использование моббинговой техники, ср.: *«западные правительства»* – читай: *все западные правительства*), *«правительство США, Европа»*. При этом техника агрессивного *моббинга* подкреплена оценочным компонентом – *«нет сомнений в том, что...»*. Важно иметь в виду, что семантика оценочного компонента придаёт верифицируемую объективность и правомерность использования журналистом *моббинговой* атаки, так как он уверен и убежден, что запланированный вердикт виновности России вынесен большинством западных стран правильно, объективно и

заслуженно, поэтому оценка «правительств США, Европы» относительно России подвергаться сомнению не может.

Заслуживает внимание ещё один пример *моббинговой* техники вербальной агрессии, применяемый в рамках развертывания уже актуализированного фрейма «Вина России» с вводом в слотовое пространство темы российско-украинских отношений. Сравните, в частности, следующее:

А. Вольф: «Одной из самых сложных тем в контексте с Россией является Украина. В 2014 году был сбит рейс МН17 на Украине, 290 человек погибли. Международная следственная комиссия заявила несколько дней назад, что этот самолёт был сбит ракетной системой российской армии, что это был конвой из России, который прибыл к украинским повстанцам на востоке Украины. Есть видео, есть телефонные разговоры и десятки свидетелей. Вы уже год говорите, что это не соответствует правде, но практически никто не верит этим словам.

Разве Вы тем самым не ставите на кон достоверность российских заявлений? Может быть, стоит после многих лет действительно признать, что повстанцы на востоке Украины использовали российское вооружение, для того чтобы совершить это ужасное преступление?»

Следует признать, что и в этом случае встречается знакомая уже техника *моббингового* воздействия, которая формально подстраивается под известный риторический аргумент «ссылка на авторитет международной организации» – «*Международная следственная комиссия*» и «ссылка на мнение большинства» – «*есть видео, есть телефонные разговоры и десятки свидетелей..., практически никто не верит этим словам...*».

В продолжение развертывания (актуализации) валентной связи гиперфреймового тематического пространства и конкретной слотовой темы российско-украинских отношений примечателен следующий вопрос австрийского журналиста, построенный также с использованием известной по интервью М. Келли техники *моббинговой* агрессии:

А. Вольф: «Но сейчас уже знают, какая именно ракета – ракета комплекса «Бук». Это была бригада российской армии в Курске. Это уже доподлинно известно, тем не менее Вы это отрицаете. Но разве не стоит признать, что эта ракета действительно российского происхождения? Не стоит ли официально признать, что Россия поддерживала вооружением повстанцев на востоке Украины?»

Прежде всего, бросается в глаза формальное, в плане манифестационного оформления, построение первого предложения, в котором отсутствует подлежащее, ср.: *«сейчас уже знают»*. Однако же, выбранная журналистом коммуникативная конструкция точно указывает на недостающее звено – **«ВСЕ»**, которые «знают». Точность выбранной конструкции, в которой отсутствует недостающее, – но важное, главное – звено (т.е. подлежащее), – только усиливает фокус внимания адресата на возможную эксплицитную подстановку этого пропущенного члена синтаксической конструкции, что позволяет и адресату, и зрителям трансформировать данную конструкцию в эксплицитное, верифицированное простое повествовательное предложение и интерпретировать его как коммуникативное послание с иллокутивной направленностью (прагматической целью), равному по воздействию потенциалу фактуальному утверждению – **«Всем доподлинно (фактуально, хорошо) известно, кому принадлежала ракета, сбившая самолет в небе Украины. С точки зрения реализации провокативной стратегии очевидны троллинг-моббинговые техники с целью манипулятивной подтасовки журналистом данных о катастрофе и распространение этой позиции в телевизионном эфире.**

Следующий пример из австрийского интервью также показателен в плане применения австрийским интервьюером уже известной вербально-агрессивной *моббинговой* формы информационных атак:

А. Вольф: «Сейчас международная следственная комиссия утверждает, что они действительно учли все аргументы. Многие люди не верят в россий-

ские аргументы, поскольку много лет назад в Крыму Вы говорили, что знаменитые «зелёные человечки», бойцы в зелёной униформе без опознавательных знаков, – это всё были местные силы самообороны. И через некоторое время вдруг выяснилось, что это действительно были российские солдаты. После этого Вы много раз признавали, что это были представители российской армии, хотя до того Вы отрицали. Почему Вам верить в этот раз?»

В приведенном примере техника *моббинговой* атаки реализована по уже известной из примеров ТВ-интервью американской журналистки М. Келли схемы использования аргумента «ссылка на авторитет» международного органа – «*международную следственную комиссию*» и аргумента «ссылка на общественный» или «доксальный авторитет»: «*многие люди не верят*».

Вопросы веры, доверия сторон друг другу относительно того или иного фактуального материала включаются инициатором интервью в дополнительный слот с учетом потенциальных валентных связей вершины гиперфорейма, заявленной как «Вина России». Как было отмечено выше, этот дополнительный (т.е. не обязательный, а факультативный, по желанию интервьюера) слот увязывается (активируется и актуализируется) с тематикой Крыма. Ср., в частности, такую факультативную привязку австрийского корреспондента А. Вольфа с использованием уже апробированной агрессивной техники *моббинга* посредством «ссылки на авторитет международных инстанций»: «*Были очень чёткие предпосылки, которые в Крыму не были выполнены. Так говорят все международные наблюдатели*». Смысл последнего утверждения корреспондента подкрепляется с его стороны мифическим авторитетом «*всех международных наблюдателей*». При этом австрийский корреспондент даже не уточняет, что это за организации, какова их сфера деятельности, чем они проявили себя, чтобы им верили и доверяли безоговорочно. Видно, что А. Вольф даже не утруждает себя уточнением статуса «*международных организаций*», полагая, что произнесение магического слова «*международный*» уже достаточно для того, чтобы данное утверждение считалось его собеседником

и телезрителями фактуальным, т.е. имевшим место в череде реальных событий. И по этой причине, полагает А. Вольф, такому утверждению, впрочем, как и его автору можно и нужно верить и полностью доверять.

Краткий анализ фрагментов ТВ-интервью корреспондентов из США и Австрии показывает, что *тролингово-моббинговые*, а также и *флеймингово-моббинговые* техники эмоционального (агрессивного) воздействия применяются достаточно широко в практике политического интервьюирования. При этом обращает на себя внимание тот факт, что сама специфика перечисленных выше агрессивных провокативных высказываний в виде изолированных дискурсивных практик *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и *буллинга* или в виде смешанных, комплексных *тролингово-моббинговых* или *флеймингово-моббинговых* агрессивных техник позволяет журналистам не акцентировать внимание на своей личной заинтересованности в очерчиваемых гиперфреймовым пространством вопросах. Действительно, опираясь на мнение большинства или мнение какого-то авторитета, журналист при помощи указанных техник может оставаться в их тени, выглядеть достаточно убедительным, правдивым и справедливым, говорить своему оппоненту «доксальную» правду или «объективную» правду «демократического большинства». И хотя журналист - интервьюер, оставаясь в тени и «на вторых ролях», скрывает личную заинтересованность в реализации агрессивных техник вербального воздействия, тем не менее, он осознанно использует **провокативные практики** в качестве **инструментария «мягкого воздействия»** на собеседника, его страну и на своих телезрителей, ибо, **как показали примеры интервью журналистов из США и Австрии, агрессивные практики и техники их использования имеют одну и ту же прагматическую задачу**: через интервью с конкурирующей стороной развертывать и закреплять в сознании собеседника и зрителей нужный, «срежиссированный» и заданный бенефициаром (выгодоприобретателем, суперстраной, главным арбитром в мире) такой гиперфрейм (в рассматриваемом случае – гиперфрейм «Вина России»),

который при помощи эмоционально-агрессивных вербальных практик был бы способен

– *усиливать* обвинительный уклон в информационном пространстве, «*вирусно*» *закреплять* – в дискурсивной форме меняющихся погружений, перформативных и изменений информационно-коммуникативных разновидностей техники «окно дискурса» – «грехи» в глобальной инфосфере и *создавать* группы (союзы, объединения) стран, солидарных в стремлении критиковать и обвинять атакуемую сторону,

– *вырабатывать* у граждан атакованной и обвиненной в «грехах» страны «комплекс вины», комплекс неполноценных (иных, чужих) граждан, находящихся за пределами «демократического» добра и большинства, а также *фиксировать* и *пропагандировать* образ «борца» с режимом, породившем «грехи» в атакованной стране,

– *перечислять* зафиксированные «демократическим» большинством «грехи» ярко, выразительно и подчеркнуто – по-голливудски – *формировать* образ страны, изолированной от мировой цивилизации, образ страны страны-изгоя, страны, которая критикуется «всем демократическим большинством», которая осуждается всеми и которой другие «честные и порядочные» страны-партнеры не доверяют (о «режиссерах» политических событий см.: Бейнхарт, 2004; Рашкофф, 2003).

Помимо этого, комплексные *тролинго-моббинговые* или *флейминго-моббинговые* агрессивные техники достаточно активно используются в политической контрдискурсии, в том числе и в процессе нейтрализации и интерактивного противодействия провокативному обмену репликами. Особенно эффективны провокативные действия вербальной агрессии при реализации целевых установок по выводу собеседника из психологического равновесия. Для достижения этой цели используются разнообразные в манифестационном плане вербальные практики с различной иллокутивной направленностью. Чаще всего для этих целей используются вопросительные конструкции, конструкции-реквестивы, повествовательные конструкции-утверждения и

иные другие конструкции, которые тематически затрагивающие самые разнообразные эмоционально значимые для партнера вопросы – от личных установок и предпочтений до актуальных мировоззренческих проблем.

Так, в интервью, взятом у В.В. Путина американской журналисткой М. Келли 5 июня 2017 года, инициатор беседы неоднократно прибегает к вербальным агрессивным практикам *троллинга*, провоцирующим собеседника на признание вмешательства российской стороны в выборную кампанию Д. Трампа. В фрагменте интервью, где американская журналистка, иницируя обсуждение тематического слота «Вмешательство России в выборы в США» в пределах гиперфреймовой конфигурации «Вина России», заявляет следующее:

М. Келли: «А другая сторона говорит, что 70 тысяч голосов всего, которые изменили результат выборов. И это не так уж сложно было – повлиять на 70 тысяч голосов».

Отметим, что в данном случае *троллинговая* техника актуализируется при помощи контраргумента: в ответ на заявление собеседника, что повлиять на результаты выборов такой большой и высокоразвитой страны, как США, не представляется возможным, следует противоположное утверждение интервьюера, усиленное за счет использования точных цифровых данных – *70 тысяч голосов*. Намеренно точное указание числовых данных призвано в первую очередь подчеркнуть достоверность и доказанность (верифицируемость) обсуждаемого утверждения в значении обвинения – вмешательство произошло, случилось и это вмешательство было выявлено, расследовано и оказалось реальным настолько, что даже удалось подсчитано точное количество нарушений. *Троллинговая* агрессивность проявляется не только и не столько в утверждении журналиста о том, что нарушения обнаружены и они доказаны. Но *троллинг* проявляется в другом, а именно – он содержится в снисходительной убежденности журналиста, которая представляет собой демонстративный вызов и опровержение аргументации противоположной стороны: пора прекратить оправдываться, нужно признать вмешательство, ибо

«вброс» 70-и тысяч голосов – это пустяк для такой страны, как Россия, в которой о «честных» выборах и понятия не имеют.

Но использование *троллинговой* техники одной стороной может спровоцировать ответную (дефензивно-атакующую) технику *троллинга* другой стороной. Примером может служить ответ В.В. Путина на *троллинговый* выпад журналистки с отклонением обвинения России в выборную кампанию США. Причем ответная реплика не просто отклоняет выдвинутое журналисткой обвинение, а в *троллинговой* форме констатирует встречное обвинение. Ср. следующий фрагмент: **В.В. Путин:** «Поэтому, если кто-то, я не говорю, что это мы (мы не вмешивались), но если кто-то каким-то образом влияет, или пытается влиять, или как-то участвует в этих процессах, то уж тогда Соединённым Штатам не на что обижаться. Кто это нам говорит, кто это обижается на нас за то, что мы вмешиваемся? Вы сами постоянно вмешиваетесь».

Троллинговая форма ответа достаточно проста, эффективна и информативна – сами такие. Эффективность ответного *троллингового* воздействия подтверждается констатацией согласия журналистки. Сравните: **М. Келли:** «Как оправдание звучит». Однако ответ журналистки не следует расценивать только как обычную констатацию в виде согласия. Её ответ представляет собой едкое, задорное подначивание на продолжение дальнейшего обсуждения с определенными подробностями и конкретными деталями. Иначе говоря, М. Келли применяет **комплексную троллинго – флейминго – буллинговую** тактику **воздействия**, чтобы возобновить свою атаку вновь, вызвать новое (повторное) обсуждение вопроса в деталях и подробностях, а также попытаться получить конкретные нюансы относительно русского вмешательства в выборную кампанию Трампа.

Очевидно, что *флейминго-буллинговый* характер согласия М. Келли отыгрывает успокаивающее согласие с оппонентом, но в то же время такое согласие является отправной точкой для предложения возобновить обсуждение проблемы на новом (другом, более серьезном) уровне. При этом новый

уровень не должен повторять уже пройденный обмен *троллинговыми* практиками, то есть, такой обмен не должно ходить по кругу, как это было раньше и не принимать форму обмена уже использованного *троллинга* журналиста на контр-*троллинга* интервьюируемого. Поэтому именно краткое согласие журналистки без эмоций и дальнейших возражений оппоненту прочитывается (означает) как примирение, которое сопровождается предложением – обменялись уколами, давайте дальше говорить предметно и в деталях. Правда, высказанное журналисткой предложение не означает отмену обмена новыми *троллинговыми* практиками, о чем и свидетельствует новый отрывок интервью:

М. Келли: «Давайте пойдём дальше. Специальный совет был назначен для того, чтобы исследовать связи между вашим Правительством и кампанией Трампа. Вы сказали, что посол Кисляк просто выполнял свою работу. А что же всё-таки обсуждалось на этих заседаниях?»

Последняя фраза-вопрос неожиданно взрывает плавное рассуждение журналистки и в *троллинговой* манере имплицитно утверждает, что заседания были и они являются фактом, который не может быть оспорен и который не должен вызывать сомнений и возражений со стороны собеседника.

Интервьюируемый отвечает практически «зеркально»: он также без эмоций и кратко констатирует отсутствие всяких заседаний с последующим повтором этого тезиса. Высказанный повтор явился метким ответом на *троллинговый* выпад журналистки, в котором, как по Э. Берну, «взрослый» объясняет «ребенку» (младшему, неразумному) одно и тоже дважды. Именно акцентированное «понимаете» эксплицирует берновские ролевые позиции двух собеседников с элементами *троллингового* отпора: ну, сколько раз ещё надо повторить, чтобы вы поняли? Сравните:

В.В. Путин: «Не было никаких заседаний. Понимаете, заседаний никаких не было. Я, когда это увидел, просто рот открыл».

Очевидно, что отпор Президента РФ заблокировал выбранный американской журналисткой ориентир на обсуждение деталей и не оставил ей на-

дежды получить что-нибудь новое, интересное и «жареное» в деталях и подробностях. Поэтому последовал практически эмоциональный (и несколько возмущенный), но, по сути, беспомощный – как в ролевой позиции берновского «ребенка» – и просящий вопрос:

М. Келли: «То есть встреч между господином Кисляком и кем-нибудь из штаба Трампа не было?»

Примечательна в этом вопросе журналистки корректировка своей позиции: она быстро меняет собственную формулировку, заменяя официальное слово «заседания» на более нейтральное – «встречи». Президент РФ чётко уловил эту перемену позиции у журналистки и остался в данной фазе интервью на сильной ролевой позиции «взрослого», продолжая манеру мягкого, дефензивно-атакующего *троллинга* в своём ответе на поставленный вопрос:

В.В. Путин: «Понятия не имею. Говорю Вам совершенно откровенно. Я не знаю. Текущая работа посла. Вы что думаете, со всего мира и из Соединённых Штатов посол мне каждый день докладывает, с кем он встречается, что обсуждает? Бред какой-то. Вы понимаете, что Вы спрашиваете, или нет?»

Корректировка позиции американской журналистки привела её к смене ролевого поведения с позиции «ребёнок», который хочет всё знать, на позицию нерадивого «ученика», который пытается путем использования «инзистивных речевых актов», т.е. «актов настаивания» (Романов, Витлинская, 2000; Романов, Ходырев, 2001) добиться поставленной перед собой цели. Поэтому логично, что интервьюируемый Президент РФ в своём ответе продолжает реализовывать свою позицию «взрослого», «учителя», который подробно объясняет и разъясняет «ученику» свой взгляд на сложившееся положение дел с выборами Д. Трампа в США.

Инзистивная иллокутивность используемых журналисткой из США вербальных практик эксплицирует в её речевом поведении позицию «ученика», который, используя комплексную коммуникативную технику *буллинга* и *троллинга*, настаивает на своём требовании-просьбе: «Я все равно хочу, чтобы Вы сказали мне, что Х», ср.:

М. Келли: «Вы же его босс, Вы же его начальник».

Буллинго-троллинговая практика М. Келли, имплицитно указывающая на семантику реквестивного упрека-утверждения, эксплицирующего *троллинговую* (подначивающую) констатацию с элементами обвинения собеседника в некомпетентности. Поэтому инзистивный повтор журналистки в позиции «ребенок» позволяет ей в *троллинговой* (игриво-поддразнивающей, разрешающей детям) форме направлен на усиление своего требования получить от адресата искомый ответ.

Как представляется, в своём ответе В.В. Путин почувствовал поддразнивающий (*троллинговый*) тон журналистки и продемонстрировал своё отношение к вербальному поведению собеседницы. Сравните:

В. Путин: «Начальник – Министр иностранных дел. Вы думаете, что у меня есть время каждый день общаться с нашими послами во всём мире, что ли? Чушь какая-то. Неужели Вы не понимаете, что это чушь? Я даже не знаю, с кем он там встречался.

Если бы было что-нибудь выдающееся, из ряда вон выходящее, он бы, конечно, доложил министру, министр – мне. Ничего подобного не было».

Жёсткий и прямой ответ на *троллинговое* утверждение журналистки («Вы же его босс, Вы же его начальник») показывает, что поддразнивающий тон интервьюирующего корреспондента эмоционально задел Президента РФ. Его фраза «Начальник – Министр иностранных дел», а также эмоционально окрашенные оценочные лексемы «чушь», «бред» и их повторное употребление, означает, в первую очередь, попытку **блокировать** *троллинговую* технику собеседницы имплицитной демонстрацией своего статуса («Непосредственный начальник» посла, т.е., в вашей терминологии, «его босс» – это «Министр иностранных дел», а Я, как Вам известно, являюсь Президентом РФ). В последующей фразе В.В. Путин подчеркивает недостаточную (прекоммуникативную) подготовку журналистки к беседе: «Вы думаете, что у меня есть время каждый день общаться с нашими послами во всём мире, что ли»? Именно конец вопросительной фразы – «что ли?» – показывает, что

Президент увидел «игру» собеседницы, которая вошла в роль «нерадивого ученика», плохо подготовившего своё домашнее задание. И тогда Президент показывает эмоциональной констатацией («*Чушь какая-то. Неужели Вы не понимаете, что это чушь?*»), что он увидел «игру» собеседницы и предлагает ей выйти из «ролевой реальности ребёнка-ученика», чтобы продолжить диалог в режиме нормального общения: «*Я даже не знаю, с кем он там встречался*».

Однако корреспондентка М. Келли не приняла (или не поняла) этого предложения и попыталась вновь апробировать технику *троллинговой* инзистии, свойственной ролевой позиции «ребенок» – «настаивать до тех пор, пока взрослые не сдадутся и не согласятся выполнить то, что от них требует ребёнок». Ср., например:

М. Келли: «С тех пор как это случилось, Вы говорили с послем о том, что же обсуждалось с Кушнером, с Майклом Флинном, с кем-то ещё из штаба?»

Для Президента РФ стало ясно, что собеседница всё еще не вышла из ролевой позиции и не приняла предложение вести беседу в режиме нормального общения без *троллинговых* атак. Реализуя формальную роль интервьюируемого, он лапидарно и сухо закрывает своей ответной фразой вопрос журналистки, ср.: **В.В. Путин:** «Нет, не говорил».

По всей очевидности, американская журналистка не почувствовала смену настроения Президента вести серьёзное обсуждение по теме «Вмешательство России в выборы президента США» и задала свойственный её ролевой позиции («ребёнок-ученик») и *троллинговой* (игриво-дерзкой) манере вопрос:

М. Келли: «Вам не было интересно?»

Отметим, однако, что кажущаяся «детскость» ролевой позиции корреспондентки и свойственные ей «непосредственность», «игривость» и даже некоторое «коккетство» в вопросе модератора оказались в действительности конституентами дискурсивного инструментария эмоционально-вербального

воздействия агрессивной *троллинго-буллинговой* техники информационных атак с элементами *флейминга*. Причем *троллинго-буллинговая* агрессивность атаки касалась статуса собеседника, чтобы оттенить качество управленческих решений руководителя страны, которую обвиняют в поддержке Д. Трампа, сводя президентский уровень принятия решений до примитивного выбора в дилемме «интересно – не интересно».

Ответ на *троллинго-буллинговый* выпад корреспондентки дал понять, что М. Келли не вышла из роли «ребенок-ученик», который не выучил урок на тему «Государственные отношения на уровне Посол – Президент». Поэтому, на правах «взрослого», Президенту пришлось кратко изложить указанную тему собеседнице, ср.:

В.В. Путин: «Нет, потому что, если бы было что-то значимое, он бы доложил министру, министр доложил бы мне. Никаких докладов даже не было. Текущая, ничего не значащая работа, не имеющая никаких, может быть, даже перспектив».

При этом объяснении «урока на заданную тему» нельзя не заметить, что интервьюируемый вернул «долг» модератору беседы в части посягательство на свой статус. В своём ответе Президент РФ подчеркнуто не выразил особой заинтересованности к деталям обсуждаемой темы, охарактеризовав её как «*ничего не значащей*» проблемой», которая, напротив, так интересовала американскую журналистку. Таким образом В.В. Путин подчеркнул своё отношение к статусу журналистки-собеседницы, которая позиционировала себя как представителя самой могущественной и главной страны мира: интереса нет ... «*Никаких докладов даже не было. Текущая, ничего не значащая работа, не имеющая никаких, может быть, даже перспектив*». И в этом ответе Путина не было ни *троллинга*, ни *буллинга*, ни *флейминга*, как не было и вербальной агрессии по отношению к интервьюеру и его стране. Президент просто подчеркнул уровень пре-коммуникативной подготовки журналистки к беседе-интервью.

Таким образом, анализ фрагментов политических ТВ-интервью со всей очевидностью показал, что дискурсивное противостояние собеседников в формате политического ТВ-интервью можно охарактеризовать как конфронтативное взаимодействие интервьюирующего и интервьюируемого по различным актуальным вопросам глобальной политики с использованием агрессивных вербальных практик «мягкого воздействия», реализующих провокативную стратегию эмоционального давления посредством коммуникативных техник *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга*. В эмоциональной атмосфере вербального противостояния участники ТВ-интервью использовали в каждом удобном случае техники агрессивного поведения. Однако каждый из участников – и интервьюирующий, и интервьюируемый – использовал эти техники по-разному. Интервьюирующий как модератор интервью использовал техники эмоциольно-агрессивного давления значительно чаще, чем интервьюируемый в роли адресата. Больше того, иллокутивно-прагматическая направленность провокативных практик *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга* у журналистов-модераторов отличается от *троллинговых* дефензивно-атакующих практик интервьюируемого.

Иллокутивно-прагматическая направленность провокативных практик *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга*, которые применяли в политическом дискурсивном противостоянии как американская журналистка-модератор, так и австрийский корреспондент, отличалась от *троллинговых* дефензивно-атакующих практик интервьюируемого Президента РФ активацией дискурсивного пространства тем, что вербально-агрессивные практики журналистов-интервьюеров не обеспечивали референтную связь высказанных провокативных практик с фактуальной действительностью, а опирались на созданное бенефициарной медийной доксой дискурсивное пространство: «фактуально только то, о чем сообщают медиа». Приводимые в «срежиссированном» дискурсивном пространстве «аргументы» являются таковыми только формально, так как сам процесс аргументирования фиктивен и имитирован «дискурсивными аргументами», что вынуждает инициаторов-

интервьюеров преимущественно использовать специальные вербальные техники провокативной *агрессии, обвинения, подтасовок* и «вирусных» *фейковых посланий*. И так как отмеченный тип реальности «дискурсивных аргументов» не имеет фактологических «привязок» (референций) к реальному миру, не содержит логических связей и логических аргументов, то агрессивные вербальные техники становятся для представителей бенефициарных медиа *основным* и *единственным* инструментом воздействия на оппонента и своего потребителя информации.

Вероятно, по этой причине при реализации тематического пространства фреймовой конфигурации так важен ввод оценочного компонента, имитирующего, по сути, *достоверность, проверяемость* и *фактологичность* фреймовых слотов или всего смыслового поля фрейма. Показательно, что, например, в интервью с президентом Эстонии, проведенном корреспондентом АиФ, оценочный компонент вообще не был актуализирован (подробнее см.: Морозова, 2005: 179-189; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2017). И это объяснимо, так как конкретные аргументы сами по себе содержат семы *достоверности, проверяемости* и *фактологичности*, что вынуждает собеседника вступать во взаимодействие и сосуществовать со своим партнером в одном фреймовом пространстве.

Поэтому в вербальном взаимодействии с вводом собеседниками оценочного компонента, участвующие в интерактивном обмене с использованием фактологических фреймов, оказываются в ситуации выбора «*знаю – не знаю*». Выбор в ту или иную сторону накладывает определенные требования к личностным характеристикам собеседников, потому что в первую очередь речь идет о демонстрации их образовательного и интеллектуального уровней. В случае взаимодействия, протекающего в реальности «дискурсивных аргументов», перед участниками возникает дихотомия «*верю – не верю*». И соответственно, предлагаемая реальность требует от собеседника исключительно доверия к партнеру и его информации, а, значит, также требует отсутствия критического мышления и способности адекватно воспринимать и анализи-

ровать услышанное. К вербальным техникам в ТВ-интервью, протекающим в реальности «дискурсивных аргументов», относятся следующие техники, которые может использовать любой из собеседников в дополнение к практикам вербальной агрессии *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга*, а именно.:

– сознательные нарушения процесса взаимодействия, например: перебивание, внеочередные репликовые шаги, перехват хода и т.д. В интервью австрийскому телеканалу такие техники в количественном исчислении встречались чаще других;

– реплики несогласия, используемые без учета жанра, статуса и других специфических особенностей взаимодействия;

– акцент на оценочный компонент фреймового пространства, а именно – повторы оценочного компонента;

– повторение одного и того же аргумента, что существенно замедляет тематическое развитие взаимодействия и оказывает неблагоприятное воздействие на общую атмосферу диалога-интервью.

Из отмеченных наблюдений не следует прямого вывода о том, что все политические ТВ-интервью характеризуются использованием провокативно-агрессивных практик участниками дискурсивного взаимодействия. Отмечено, что провокативные агрессивные практики *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга* могут использоваться в дискурсивном политическом противостоянии модераторами-интервьюерами и гостями-интервьюируемыми в равной степени. Тем не менее, использование таких практик ограничено вербальным поведением при реализации ролевых позиций и учитывает тип вербальное поведение собеседника – агрессивно-провокативного у модератора и дефензивно-атакующего у интервьюируемого.

Также отмечено, что участники интервью, соглашаясь реализовывать свою персональную аргументационную позицию относительно друг друга, не прибегают к демонстративному использованию крайних форм агрессивности. Ограничителем такого сдерживания является общность позиций участников ТВ-интервью по отношению к фактуальной природе используемых в

дискурсии и контрдискурсии аргументов и к логической основе валентных связей между вершинами (гипер)фреймов и их терминалов, слотов, подслотов и субслотов. Примером такого типа отношений собеседников к интервью может служить взятое журналистом АиФ у президента Эстонии интервью, в котором показана обусловленность взаимосвязи используемых аргументов и логических связей между тематическими пространствами фреймов и их структурных конститuentов в виде терминалов, слотов, подслотов и субслотов.

В этой связи представляется крайне интересным проанализировать два обозначенных типа интервью в плане сравнения двух разновидностей вербального поведения – агрессивно-провокативного у модератора и дефензивно-атакующего у интервьюируемого, а также выявить специфику построения иллокутивных структур указанных типов дискурса-интервью. Об этом речь пойдет в следующей статье.

Ссылки – References in Russian

Бейнхарт, 2004 – *Бейнхарт Л.* Американский герой. Пер. с англ. – СПб.: Амфора, 2004. – 575 с.

Волошинов, 1930 – *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1930. – 157 с.

Гоффман, 2000 – *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 305 с.

Гоффман, 2003 – *Гоффман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Копытин, 2003 – *Копытин А.И.* Тренинг по фотографии. – СПб.: Речь, 2003. – 96 с.

Леонгард, 2001 – *Леонгард К.* Акцентуированные личности [Электронный ресурс]. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – Режим доступа: URL: <http://www.koob.ru>

Морозова, 2005 – *Морозова О.Н.* Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.- Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 220 с.

Рашкофф, 2003 – *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Издательство: Ультра Культура, 2003. – 368 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 1991б – *Романов А.А.* Иллокутивные знания и прагматограмма диалогического текста // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. – Воронеж: Воронежский техническ. ун-т; ВСНТО, 1991б. – С. 37–41.

Романов, 1992 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1992. – С. 55–76.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Говорящий лидер в деловом общении // Человек говорящий / Homo Loquens: Язык. Познание. Культура / Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1995. С. 56–70.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax: Игра с личностью или игра со смыслами. Сб. научн. тр. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2004. – С. 3–36.

Романов, 2011 – *Романов А.А.* Основы логического знания и теории аргументации. Конспект лекций. – Тверь: Тверская ГСХА, 2011. – 136 с.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. – Воронеж: Наука – Юнипресс; Воронежский гос. университет, 2014. – С. 88–118.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 2. – С. 1–19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016, № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, 2016а – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информационной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. тр. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2016а. – С. 221–227.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – С. 205–214.

Романов, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Морозова О.Н.* Схемы спин-докторингового конструирования оценочных смыслов в современной медиакультуре // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, ин-т; «Высшая школа журналистики и масс. коммуникаций», 2015. – С. 243–247.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискур-

сология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского и др. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 134–144.

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017а, № 2. – С. 1–32. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья *первая*: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 3 (49). – С. 1–39. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации: психолингвистический аспект. – Тверь: Тверск. государственный ун-т, 2018. – 292 с.

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Selfie как перформативный акт информационного круговорота в сетевой коммуникации // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Мат. Международной научно-практической конф. (спецвыпуск журнала). – 2018а, Т.1, № 2 (20). – С. 132–144.

Романов, Романова Романов, 2018б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в консциентальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: мат. Международной научно-практической конф. – Москва: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирант, 2018б. – С. 284–289.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII Международный Крымский лингвис-

тический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научных докл. / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев; Крымский республиканский ин-т постдипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спиндокторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спиндокторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международн. научно - практическ. конф. 3-4 апреля 2015 года. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015а. – С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Функциональная специфика «вверного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья *вторая*: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4 (48). – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Провокативная дискурсия медийных «игр» спин-доктора (на материале политического ТВ-интервью) // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Мат. Международн. научно-практическ. конф. (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 2. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 7–15

Романов, Романова, Федосеева, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г.* Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.- Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. –241 с.

Романов, Ходырев, 2001 – Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая имиджелогия. – Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1998. – 244 с.

Романов, Черепанова, 1998 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1998. – 205 с.

Романов, Черепанова, 1999 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.

Романов, Царьков, Романова, 2017 – Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А. Дискурсивный портрет думского либерала. Опыт историко-лингвополитического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Институт прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998 – Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.

Шаховский, 2003 – Шаховский В.И. Реализация эмотивного кода в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация. Коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 7–18.

References

Beinhart. L. (2004) *American hero*, Per. from English SPb, Amphora. 575 p. (in Russian).

Goffman, I. (2000) *Introducing yourself to others in everyday life*, Per. s angl. M.: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. 305 p. (in Russian).

Goffman, I. (2003) *Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience*, Per. s angl., M., Institut sociologii RAN. 752 p. (in Russian).

Castells, M. (2016) *The Power of Communication*, Per. from English N.M. Tyshlevich, under the scientific ed. A.I. Black. M., Izd. home of the Higher School of Economics. 564 p. (in Russian).

Kopytin, A.I. (2003) *Photo training*. SPb, Speech. 96 s. (in Russian).

Leonard, K. (2001) *Accentuated personalities* [Electronic resource], M., Eksmo-Press // Access Mode: URL: <http://www.koob.ru>

Morozova, O.N. (2005) *Discourse of consent in a dialogue space*, M.- Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy. 220 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute. 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1991) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // *Text in communication*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A.A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 55–76.

Romanov, A.A. (1995) The talking leader in business communication // The person speaking / *Homo Loquens: Language. Cognition. Culture* / Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, pp. 56–70 (in Russian).

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics: A Functional Approach*, M. – Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2004) Suggestive model of speech communication: manipulation or play with meanings? // *Homo mendax: Playing with a person or playing with meanings*. Sat. scientific. tr. / Ans. Ed. prof. A.A. Romanov, M. – Tver, INAS RAS; Tver State Agricultural Academy, pp. 3–36 (in Russian).

Romanov, A.A. (2001) *Fundamentals of logical knowledge and theory of argumentation*, Lecture notes, Tver, Tver State Agricultural Academy. 136 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktoringovaya implementation of mental representations in the Internet communication // *Language, communication and social environment*. Annual international publication, Issue. 13, Voronezh, Science - UniPress; The Voronezh state. University, pp. 88–118 (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) The mechanism of propagation of "viral" ideas in the infosphere of the regulatory-memetic reality // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 1–19. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) "The window of discourse" as a regulatory mechanism for the dissemination and introduction of "viral" information: two approaches [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4. P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016a) Beneficial meanings in the information media sphere // *Intercultural communication: theory and practice*. Sat. scientific. tr. Tomsk, Publishing house of Tomsk Polytechnic University, pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A.A. (2017) "The window of discourse" as a technology for changing the idea of reality // *Language discourse in social practice: materials of the International. scientific and practical work*, Conf. Tver: Tver. state. Univ., pp. 205–214 (in Russian).

Romanov, A.A., Morozova, O.N. (2015) Schemes of spin-doctoring design of appraisal meanings in modern media culture // *Medialinguistics*, Issue. 4, Professional speech communication and mass media: Sat. Articles, St. Petersburg, St. Petersburg. state. un-t, in-t; "High School of Journalism and the masses. Communications, pp. 243–247 (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2015) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 3. P. 1–16. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017c) Conscital discourse and counter-discourse in the information confrontation // *Discourse and media criticism of the mass media: coll. sci. works (based on the materials of the international scientific and practical conference, NUU "BelGU", October 4-7, 2017)* / ed. A.V. Polonsky et al. Belgorod, Publishing house "Belgorod" Research Institute "BelGU", pp. 134–144 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017a) Vector orientation of reformatting immersion in the discursive space of information attacks [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2 (47). P. 1–20. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article One: "Window" of discourse as a complex technology of information spin-doctoring impact // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 3 (49). pp. 1–39. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018) *Verbal aggression in professional communication: the psycholinguistic aspect*, Tver, Tversk. State University. 292 p.

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018a) Selfie as a performative act of the information cycle in network communication // *Modern discourse analysis, Discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International Scientific and Practical Conf. (special issue of the journal), T.1, No. 2 (20), pp. 132–144.

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018b) Fake discourse and counterdiscourse in the institutional confrontation // *Russian language and literature in professional communication and multicultural space: mat. International Scientific and Practical Conference*, Moscow, Perot publishing house, Saratov: Amirant, pp. 284–289.

Romanov, A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. (2015) Designing Media Meanings of Information Confrontation // *Functional Linguistics: VII International Crimean Linguistic Congress "Language and the World"*. Yalta, October 5-8, 2015, Sat. scientific reports / Ed. ed. A.N. Rudyakov, Yu.V. Dorofeev; Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol: Forma LLC, pp. 284–287.

Romanov, AA, Romanova, LA, Morozova, O.N. (2015) Frame matrix of spin-docking design of meanings in the system of public communications [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru>

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015a) Narrative method of spin-docking communication with frame slots // *Language discourse in social practice*. Sat. scientific. tr. International. scientific – practical, Conf. April 3-4, 2015, Tver: Tver. state. Univ., pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 2: On the role and significance of mental representations in the consecutive type of information impact of material injections "Panagameit" [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4 (48). P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2018) Provocative discourse of the media “games” of the spin doctor (on the material of political TV-interview) // *Modern discourse analysis. The discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International scientific and practical conf. (special issue of the journal), No. 3 (20), T. 2. Belgorod, Polyterra, pp. 7–15.

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Fedoseeva, Y.G. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 241 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (2001) *Management rhetoric*, M., Lilia; Tver State Agricultural Academy, 216 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*. Tver: Tver State Agricultural Academy; Gers Publishing House, 205 pp. (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1999) *Suggestive discourse in bibliotherapy*, M., Lilia LTD. 128 p.

Romanov, A.A., Tsarkov, P.B., Romanova, L.A. (2017) *Discursive portrait of the Duma liberal. The experience of historical and linguistic-lytic description of the materials of journalism and stenographic reports of the meetings of the State Duma of Russia*, Tver, Institute of Applied Linguistics and Mass Communications TGSHA, 201 p. (in Russian).

Rushkoff, D. (2003) *Mediavirus. How pop culture secretly affects your mind*, M., Publisher: Ultra Culture, 2003. 368 p. (in Russian).

Shakhovsky, V.I., Sorokin Y.A., Tomasheva I.V. (1998) *Text and its cognitive-emotive metamorphoses (intercultural understanding and linguistic-ecology)*, Volgograd, Peremena. 149 p. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (2003) *Realization of the emotive code in a language game // Emotive language code and its implementation*, Collective monograph, Volgograd: Peremena, pp. 7–18. (in Russian).

Voloshinov, V.N. (1930) *Marxism and the philosophy of language*, L., Surf, 157 p. (in Russian).